

ВОКРУГ **СВЕТА**

10 1966
ОКТАБРЬ

Фото автора

— Стань хорошим человеком, Потажъ! — воскликнул Удуюсин и поднял внука к солнцу.

Храм конической формы называется «по».

ИДАУ ТОАДА

Л. В. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук

..У подножья гранитной скалы два жреца добывали огонь. Босые, в коротких черных тогах, с всклокоченными бородами, они согнулись над почерневшей палочкой. В палочке зияло обугленными краями отверстие. Один из жрецов вставил в него вертикально другую палочку и стал быстро вращать ее между ладонями. Крученые локоны его длинных волос рассыпались в такт вращению. Вот палочку перехватили ладони второго жреца...

Наконец из отверстия показалась тонкая синяя струя дыма. Затлели красными огоньками осыпавшиеся кусочки дерева. Старший из жрецов осторожно

поддел угольки сухими листьями и дунул. Вспыхнуло пламя. Его поднесли к стоявшему рядом медному светильнику.

— Амма¹, — сказал мне жрец. — Мы зажгли священный огонь для богини Текерзши.

— А где богиня? — спросила я.

— Там, — морщинистым пальцем он указал на пик Мукуртхи. Над пиком и соседними вершинами курились голубоватые облака. Чуть выше стлались лиловые тучи с багровыми рваными краями. В тучах полыхали зеленые ломаные стрелы молний. Солнце ушло за Мукуртхи, и призрачный сиреневый

¹ Амма — мать на языке тода.

свет затопил вершины гор и узкие каменные долины.

Гранитная скала в наступившем сумраке как-то странно начала менять свои очертания, полукруглая хижина-храм еще выделялась смутным размытым пятном на ее фоне. В разрывах туч яркими колкими искрами зажигались звезды. Одна из них выплыла из-за померкнувшего багряного края и, обгоняя другие, направилась к Мукуртхи. «Спутник!» — мелькнула у меня мысль. И тут же рядом раздался чуть надтреснутый голос жреца:

— Что ты там видишь, амма? Нашу богиню?

Оба жреца пристальным взглядом впились в меня.

— Нет, просто... — Я хотела сказать «просто спутник», но вовремя спохватилась. Спутник не был «просто» для них. Так же, как и эти полуобнаженные жрецы, богиня Текерзши и огонь из обугленной палочки не были «просто» для меня. Все, что окружало меня в тот момент, своей странностью и необычностью стирало на какое-то время ощущение реальности. Наиболее ре-

альной в этом мире была для меня движущаяся звездочка спутника, которая как-то связывала меня с миром, откуда я пришла, и которую отделяли от этого мира целые тысячелетия.

Стало совсем темно. Прохладный ночной ветер зашумел в кронах деревьев священной рощи. Старший жрец, кутаясь в свое черное одеяние, подошел ко мне.

Мужчина-тода целый день занят работой — пасет буйволов, доит их, собирает дрова, зажигает светильник в доме. А сейчас он сбивает масло.

Недиям готовится к обряду прижигания; после этого она назовет имя своего мужа.

— Ты еще здесь, амма?
 — Да.
 — Солнце ушло, и страна тогда погрузилась во мрак. Иди в манд¹, к людям.
 Я пошла.

...Из долины Коимбатура, в западной части штата Мадрас, видны горы. Отсюда они кажутся совсем голубыми. Так их и называют Нилгири — Голубые горы. На плато Нилгири, поднимающемся на 2000—2800 метров над уровнем моря, издревле живет племя тогда. Вот уже много лет тогда привлекают самое пристальное внимание историков, этнографов и антропологов. И когда летом 1963 года я приехала в Мадрас, я не могла упустить возможности познакомиться с тогда поближе. Перед отъездом в Нилгири я зашла к мистеру Шарме, заведующему отделом антропологии при Мадрасском государственном музее. Шарма несколько иронически выслушал меня, как-то безнадежно вздохнул и сказал:

— И вы туда же. Это племя прямо-таки всех с ума свело. Сколько можно писать и говорить о нем?

— А что вы можете сказать о тогда? — спросила я его в упор.

¹ Манд — деревня.

Шарма принял снисходительный вид, приготовился что-то сказать и... замолчал. Наконец с сомнением покачал головой.
 — Н-да... Кажется, ничего по существу я о них сказать не могу. Но ведь о тогда столько написано! Впрочем, желаю удачи.

Выражение сосредоточенной задумчивости так и осталось в глазах Шармы, когда он со мной прощался. А я отправилась в Нилгири, в страну тогда. И тогда я впервые увидела священный пик Мукуртхи, клубящиеся облака над вершинами гор, узкие каменистые долины, джунгли, расцвеченные крупными желтыми гроздьями цветущей мимозы, горные пастбища, покрытые нежной зеленой травой. И наконец, самих тогда. Первая встреча с ними состоялась в Мутанадманде, что находится в 7 милях от Утакаманда.

...Склон горы густо зарос. Через джунгли вверх идет широкая тропа. Я поднимаюсь по тропе, и совсем неожиданно у самой вершины возникает необычный поселок. Пять хижин с полукруглыми крышами, напоминающих кибитки кочевников, крыты тростником. Хижины обнесены изгородью, сложенной из грубых, неотесанных камней. Чуть повыше виден загон для буйволов. Я останавливаюсь у крайней хижины. Из низкого входа ее размером примерно метр на метр, согнувшись, выползает человек. Он распрям-

ляется и пристально глядявается в меня. Человек высок, окладистая с проседью борода спускается на грудь, длинные волосы лежат на плечах, глаза, широко открытые, смотрят приветливо и немного испытующе. Длинный путукхули¹, украшенный красными и черными полосами, скрывает руки и спускается чуть ниже колен. Ничего подобного этой одежде в Индии я не встречала. Довольно светлая кожа, длинный широкий нос, тонкие губы и светло-карие глаза свидетельствовали о том, что человек не имел отношения к южноиндийским дравидам.

— Здравствуй, амма! — улыбнулся человек.

— Кто ты? — спросила я его по-тамилски.

— Ол-тогда.

— Как тебя зовут?

— Кероз. Я живу в этом манде, — и, сдвинув путукхули на одно плечо, он освободил руку и показал на хижины. Оттуда к нам шли женщины. На них были путукхули, змеились черные блестящие волосы, закрученные в тонкие локоны.

— Амма, к нам в гости?

— Да.

— Ты пришла посмотреть, как живут тогда, и потом больше не придешь?

— Я буду приходить часто.

— Чужие люди приходят к нам, — вмешался Кероз. — Щелкают вот этим, — он показал на

¹ Путукхули — традиционная одежда тогда.

мой фотоаппарат, — и уходят. Они мало говорят с нами.

— Я буду жить здесь долго.

— Хорошо, — кивнул тогда. —

Если ты нам понравишься, ты будешь нашим другом.

Мне тогда понравились сразу, и я очень захотела с ними познакомиться. Я провела среди них в общей сложности три месяца и открыла для себя удивительный и непохожий на другие мир.

„Миссис Ост-Индская компания“

Английская Ост-Индская компания с конца XVIII века интенсивно «осваивала» юг Индии. Завоеванные и аннексированные районы были разбиты на округа, и в каждом были посажены представители колониальной администрации — коллекторы. Офис английского коллектората был учрежден и в долине Коимбатура. Только горы Нилгири, возвышавшиеся на западной окраине долины, были еще не обследованы. Непроходимые малярийные джунгли окружали горы, и никто из жителей не знал дороги к их голубым вершинам.

В 1806 году полковник-шотландец Маккензи получил предписание колониальных властей сделать топографическую съемку Нилгири и представить в форт Сент-Джордж в Мадрасе карту будущего округа. Из Коимбатура он добрался до небольшого местечка Метапалаям, у самого подножья Нилгири. Прошел год и еще один, но карты все не было. Ни полковник, ни его помощники не решились пройти джунгли. Так безуспешно для Ост-Индской компании кончилась первая попытка проникнуть в Нилгири. Тем не менее слухи о сокровищах Голубых гор беспокоили английских чиновников — говорили, что в давние времена Нилгири были богаты серебром и даже золотом. Несколько лет спустя в Нилгири был отправлен чиновник топографического отдела Вильямс Кейс. Кейсу недвусмысленно дали понять, что он не полковник Маккензи и пренебрежение обязанностями может кончиться для него печально.

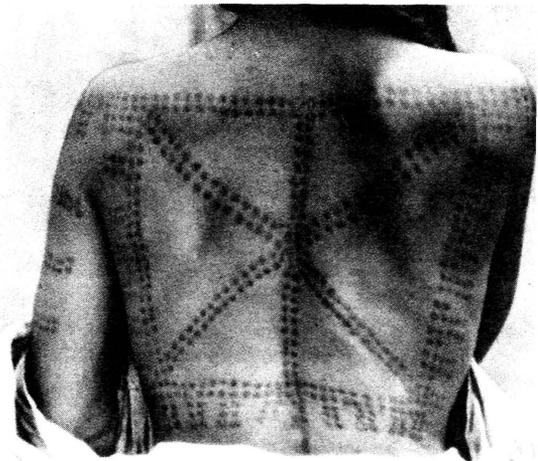
Экспедиция тронулась в путь в начале 1812 года. Москиты не давали покоя ни днем, ни ночью. В некоторых местах пришлось прорубать сплошную стену зарослей. Но Кейс был упрям. Он знал, что его карьера зависит

от успешного выполнения этой миссии. Экспедиция поднималась все выше и выше. Болота и непроходимые заросли кончились, и по ночам люди дрожали у костров от ледяного, пронзительного ветра. По утрам на горах лежал сырой, промозглый туман. Среди носильщиков начались болезни, и они не хотели идти дальше. Кейс бил их по головам и спинам крепким английским стеком, и те, еле передвигая ноги, шли дальше. В течение многих дней пути экспедиция Кейса не встретила ни одного туземца. Горы казались необитаемыми. Но однажды... на фоне заходящего солнца они увидели стадо крупных буйволов с мощными изогнутыми рогами. Поодаль, опершись на посохи, стояли два бородатых человека в одежде, похожей на древнеримские тоги. Пастухи приблизились к пришельцам и вежливо их приветствовали. Тогда оказали радушно гостеприимство английскому чиновнику и его людям. Они не подозревали, что белый человек из долины был вестником несчастья для всего племени. Позже Кейс доносил коимбатурскому коллектору: «Тогда, говорят, являются первыми, кто заселил эти горы. Их диалект неизвестен даже соседям. Они не обрабатывают землю, но пасут только стада буйволов и живут в наиболее отдаленных частях гор около ручьев и потоков».

Как выяснилось позже, это было второе открытие племени. Честь первого принадлежала португальцам. В рукописном отделе Британского музея был обнаружен старинный манускрипт. Первая часть рукописи датировалась 1602 годом. До епископа португальской католической церкви на Малабаре Франческо Роза дошли слухи о том, что за восточными отрогами гор «живет раса людей, которая произошла от древних христиан святого Фомы», а их страна называется Тодамала. Епископ послал туда двух священников. «Они (тогда — Л. Ш.), — написано в манускрипте, — в какой-то мере раса с белой кожей и высокой статью; у них растут длинные бороды, и они носят волосы на старинный португальский манер: густые и спадающие на плечи сзади. Они имеют все необходимое в изобилии. Именно: рис, пшеницу, овощи и разнообразное мясо, домашнюю птицу и дичь, бесчисленный скот и так много молока, что они не могут

использовать все и дают его пить скоту». Преподобным отцам так хотелось найти следы христианства у тогда, что они приняли желаемое за действительное.

Однако доклад священников епископа не убедил, и он решает в 1603 году послать в страну то-

Татуировка на спине этой женщины напоминает рисунок, выданный на статуэтке из древнего погребения.

На пригорке у манда собрались мужчины рода Мельгари.

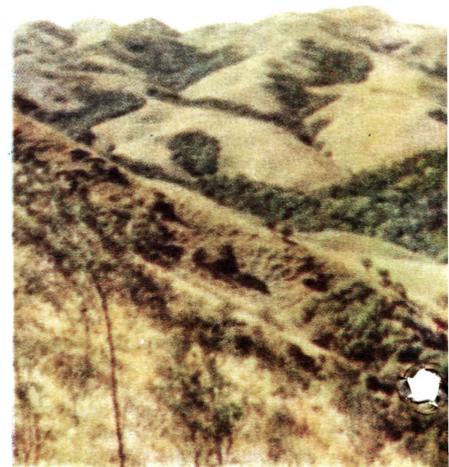
да отца Жакоме Финичио. Отчет об этой поездке начинается знаменательными словами: «Благодарение богу, я вернулся из Тодамала, правда, с великим трудом и малым удовлетворением, так как я не нашел там, на что надеялся и чего ожидал». Преодолев первую гору, преподобный отец решил, что все трудное уже позади. Но оттуда он увидел «другие большие горы и за ними тоже горы».

И наконец, в изодранной одежде, грязный, с всклокоченной бородой, он предстал перед первым тогда. Тот оказался жрецом.

Но, к своему великому прискорбию, отец Жакоме так и не нашел с ним общего языка.

В конце своего письма португалец пишет о том, что тогда не то племя, на которое христианской церкви стоит тратить свои силы. Епископ согласился с отцом Жакоме, и португальцы снова забыли о тогда.

...Кейс не нашел в Нилгири ни золота, ни серебра. Но обнаружил ценные породы дерева: тик и черное дерево. Английский чиновник не заметил еще одного богатства Нилгири, о котором писал несколько раздраженно:

Жрец читает молитву у входа в храм.

«Климат крайне холодный и нездоровый из-за постоянного тумана и облаков». А климат в действительности оказался прекрасным: чистый горный воздух и не более 22° летом, зимой по ночам температура иногда опускает-

ся до 0°, а на траве лежит иней. Чиновники, задыхающиеся от жары в душном, влажном Мадрасе, стали мечтательно поговаривать о прохладе Голубых гор. Климат и почва Нилгири оказались весьма подходящими для чайных и

Там, за этими горами, лежит страна мертвых Амандр.

У старика-то спокойные и строгие черты лица. Даже с первого взгляда заметно, как не похож он на живущих по соседству дравидов.

Две буйволицы будут принесены в жертву и последуют в страну мертвых за стариком Магцомом.

кофейных плантаций. В Нилгири хлынул поток английских дельцов. Пришельцы не утруждали себя никакими платежами. Они просто выгоняли тогда и разбивали на их землях плантации. Однако заправили Ост-Индской компании решили оправдать этот грабеж юридически. И целая армия чиновников заскрипела перьями, стараясь доказать, что тогда никаких прав на землю не имеют. Когда совершался очередной акт несправедливости, изумленные и растерянные тогда получали в ответ на все свои вопросы:

«По распоряжению Ост-Индской компании».

В их воображении Ост-Индская компания представляла в образе злой, жадной и несправедливой женщины. Они называли ее «миссис Ост-Индская компания». А «миссис» вырывала из-под ног племени тысячи акров земли. Священные долины перепахивались под чайные плантации, на местах вырубленных священных рощ сажали кофе, вместо снесенных храмов возникали «бунгало», хозяева которых играли в гольф на площадках, где раньше паслись буйволы тогда. Армейский гарнизон разместился около Утакаманда. Одушевшие от безделья и скуки английские солдаты силой увлакивали женщин тогда. Племя почти поголовно оказалось заражено сифилисом. Все меньше становилось детей в поселках — сифилис делал женщин бесплодными. А потом «цивилизация» щедрой рукой швырнула тогда бутылки с цветными этикетками. Некогда многочисленное племя, имевшее «все необходимое в изобилии», по выражению португальцев, стало вымирать от недоедания, болезней, алкоголя. И вот результаты — цифры численности племени. В 1603 году Жакоме Финичио насчитал 1000 тогда. В 1949 году их было 484.

«Миссис Ост-Индская компания» поработала на славу. Только независимость, полученная Индией, спасла тогда от вымирания. Были приняты экстренные меры по лечению племени от сифилиса. У тогда появилось потомство. Сейчас в племени, согласно переписи 1961 года, насчитывается 840 человек.

И тем более удивительно, что это маленькое умиравшее племя сумело среди нищеты, бед и невзгод сохранить чистоту своих племенных обычаев и традиций, свой особый характер и свою племенную организацию.

Высокогорные пастухи

Рядом со священной рощей у обочины дороги паслось стадо буйволов. Они были великоплены — крупные, покрытые сероватой шерстью, с длинными, круто загнутыми рогами.

— Машк, Машк! — позвал Мутикен. Одна из буйволиц повернулась и направилась к нам.

— Мутикен, — спросила я тогда, — это стадо ведь не из твоего манда? Откуда же ты знаешь имена этих буйволов?

— Каждый тогда знает имена буйволов своего племени.

Буйволы — основной источник существования племени тогда. Вместе с буйволами тогда кочуют по горам Нилгири, переходя от пастбища к пастбищу. Еще лет сто тому назад буйволы являлись общей собственностью племени. И только в последние десятилетия появилась индивидуальная собственность на буйволов. Это произошло в значительной степени под влиянием отношений с внешним миром. Как правило, владельцем стада является старший в роде или семье. После его смерти буйволы делятся поровну между сыновьями. Женщины права собственности не имеют. Но существует категория буйволов или, вернее, буйволиц, которые до сих пор находятся в общем владении рода или селения. Это священные буйволицы — неотъемлемая часть примитивной религии тогда. Есть у тогда священные фермы, условно их можно назвать храмами. При каждом таком храме-ферме есть стадо священных буйволиц. У тогда нет особой жреческой касты, и поэтому жрецом может стать любой мужчина, но, как правило, наиболее опытный в уходе за буйволами. Внутри храма нет никаких идолов или изображений богов. Там стоят только сосуды для молока и колокол, который обычно привязывают на шею жертвенному буйволу. В храм, кроме жреца, войти никто не может.

У тогда есть свои боги. Но они мало чем отличаются от людей племени. Боги живут так же, как и люди. Едят, смотрят за буйволами, любят, имеют детей, спят и проказничают. Наиболее почитаемая богиня Текерзши, которая создала первых тогда и буйволов. Лужа, из которой вышла первая буйволица и первый тогда, держась за ее хвост, еще и до сих пор существует по соседству с Тарнадмандом. Бог Ён — род-

ственник Текерзши. Только тогда забыли, кем он ей приходится: братом, мужем или отцом. Ён правит в стране мертвых Амандр.

Богиня Текерзши не только создала тогда, но, согласно тем же верованиям, назначила старейшин рода и разделила племя на две фратрии. Родовая организация прочно держится среди тогда. Фратрии называются Тартар и Тейвилк. Между ними официальных брачных отношений не существует. Каждый род имеет своего прародителя-патриарха. Женщина после замужества переселяется в манд мужа, и ее дети принадлежат его роду. Однако, по всей видимости, племя тогда в недалеком прошлом было матриархальным.

Отцы и матери

— Ну, а если он откажется? — спросила я.

— Как откажется? — мой собеседник явно не понимал вопроса.

— Но ведь может случиться, — попыталась объяснить я, — что эта женщина ему не понравится, да и к тому же она скоро станет матерью, а ребенок явно не его. Мгновением позже я почувствовала, что сказала что-то нелепое, неприличное и даже страшное. Ибо Мутикен несколько раз беспомощно хватал воздух ртом, а в его широко открытых глазах плеснулась боль.

— Как, как? — наконец произнес он. — Кто смеет отказать матери? Кто?

У тогда есть древний обычай, по которому представители различных фратрий могут состоять в браке, не узаконенном церемонией. Однако такие отношения продолжают лишь до тех пор, пока женщина не забеременеет. Тогда она отправляется в свою фратрию и там выбирает себе официального мужа. Вот почему мой вопрос «А если он откажется?» оказался необычным и даже кощунственным для тогда. В этом племени действительно никто не смеет отказать матери. Слова «женщина» в языке тогда нет. Есть только слово «мать» — «амма». Так называют и пятилетнюю девочку и восьмидесятилетнюю старуху.

За неуважение к матери наказывают. Даже священных буйволиц. Вот что однажды произошло. Оказывается, когда богиня

Текерзши создала священных буйволиц, они очень бойко болтали. Они так много говорили, что даже забывали давать молоко. А потом стали забывать и о телятах. Тогда главный жрец племени вежливо попросил их не болтать и заняться своим делом. Но буйволицы и не подумали послушаться жреца, более того, они стали ругаться. Они оскорбили всех предков жреца до седьмого колена, а самого обозвали так, что стыдно и повторить. И все это произошло при женщинах. «О, Текерзши! — взмолился жрец. — Посмотри на этих буйволиц, они ругаются при женщинах». Богиня вырвала у буйволиц языки и вставила им другие, которые годились лишь для того, чтобы мычать. Так были наказаны священные буйволицы за брань в присутствии женщин.

Однажды я шла в Тарнадманд. Он расположен на вершине горы, и узкая неудобная тропинка идет к нему, петляя между гранитными валунами. Я почти уже поднялась на гору, когда увидела у ее подножья человека. Он медленно и осторожно поднимался по тропинке с объемистым грузом на спине. Ослепительное солнце било в глаза, и я не могла разглядеть как следует ни человека, ни его ношу. Наконец он приблизился, и я узнала Кероза. К моему удивлению, он нес маленькую седую старушку.

— Здравствуй, амма! — поздоровался Кероз.

— Что ты делаешь? — изумилась я.

Кероз улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

— Вот, — показал он на старушку. — Несу свою мать в гости. Хочет навестить своих родственников, а ноги уже не слушаются. Вот я и понес ее. Ей очень хотелось побывать в Тарнадманде. Здесь прошла ее юность.

— Да, да, — закивала старушка. — Здесь я и родилась. Отсюда меня забрал отец Кероза.

Если семья тогда отправляется куда-нибудь пешком, женщинам не позволяют нести тяжелые вещи. Детей на большие расстояния тоже несут мужчины. Основная работа по дому: уход за буйволами, дойка, сбивание молока и нередко приготовление пищи — это все мужские дела. Женщины смотрят за детьми и в свободное время вышиваю. Правда, за все это женщинам тогда приходится платить рядом ограничений. Но

эти ограничения появились в более позднее время, когда в племени стали развиваться патриархальные отношения. Женщины не могут подходить к священным буйволицам, не должны переступать границу храма, отмеченную специальным камнем, имущество уже не принадлежит им, женщинам запрещено принимать участие в некоторых церемониях. Но отцы племени тогда пока не посягнули на свободу чувства женщины, на право выбора возлюбленного, на уважение к матери. Прочных брачных уз в племени еще не существует. Это отголосок древних времен, когда бывала специфическая форма отношений — групповой брак. Официальная брачная церемония соблюдается в тот период, когда женщина собирается стать матерью. Этот обряд называется церемонией «лука и стрелы».

...В Тарнадманде живут три брата: Пештергуд, Синергуд и Кариагуд. Их отец, старый седебородый Ёнгуд, гордится своими сыновьями. И действительно, все три брата как на подбор — высокие, статные и сильные. Одно только не давало покоя Ёнгуду: сыновья были не женаты. А старик хотел еще до смерти увидеть внуков в своем доме. В соседних деревнях жили красивые молодые девушки, но никто из них не выбрал себе в мужья его сыновей. Только Недиям, которая изредка приходила из Муллиманда навестить своих родственников, иногда поглядывала на Пештергуда. Прошло полгода. Однажды Синергуд принес новость: Недиям вернулась в свой манд и скоро станет матерью. Ёнгуд забеспокоился.

— Тебе нравятся Недиям? — спросил он сына.

— Да, — ответил Синергуд.

— Тогда дай ей лук и стрелу.

— Но я не знаю, согласится ли она.

— У тебя есть ноги и язык? Иди к ней и спроси. Мы дадим за нее семнадцать буйволов.

Недиям думала долго. И даже в день перед церемонией не знала, кто же даст ей лук и стрелу: Пештергуд или Синергуд. Пришлось собрать совет старейшин. На совете Недиям назвала имя Пештергуда. Утром следующего дня в Тарнадманде состоялась праздничная церемония. Люди родов Пештергуда и Недиям собрались на пригорке у священной рощи. Там в самом старом дереве вырубил четырехугольное отверстие и установили светильник.

Недиям и Пештергуд подошли к отцу и матери, обошли всех родственников, поклонились им в ноги и получили благословение. Потом Недиям зажгла светильник в старом дереве, а Пештергуд трижды спросил Недиям: «Дать лук?» И она трижды сказала: «Кто этот мужчина?» Так поступали их предки. Пештергуд назвал свой род и вручил Недиям лук и стрелу. Оба некоторое время оставались у дерева со светильником, а потом присоединились к остальным. Мужчины встали в круг, и начался танец тогда.

— Вэй, эхо-хо! Вэй, эхо-хо! — дружно кричали танцоры.

И горное эхо повторяло их слова: «эй-хо-о! эй-хо-о!» В тот день все были довольны. Ёнгуд — потому что у него скоро будет внук. Пештергуд радовался молодой жене. А Недиям знала, что Синергуд на нее не сердится. Дело в том, что Недиям получила сразу трех мужей. По обычаю тогда, если старший брат дает лук и стрелу женщине, она становится женой и его младших братьев. Полиандрия, или многомужество, — тоже элемент матриархата. Тогда сохранили его до наших дней.

Женщина тогда может разочароваться в своем муже. Случается, что ей понравится другой, и тогда она вольна уйти к нему. Никто не имеет права препятствовать ей в этом. Совет племени не обсуждает поступок самой женщины. Решают другое — сколько буйволов должен получить муж от человека, к которому ушла его жена.

Как-то, направляясь в Усманд, я встретила уныло бредущего Пельмихара. Он был обшительным человеком и очень любил фотографироваться.

Но сейчас он равнодушно скользнул взглядом по моему фотоаппарату и отвернулся.

— Что-нибудь случилось, Пельмихар? — спросила я его.

— Плохо мне, амма, — пожаловался он. — Жена ушла к человеку из Усманды. Вот иду туда.

— Хочешь ее вернуть?

Пельмихар удивленно вскинул глаза.

— Разве так можно? Она сама решила. А в Усманд я иду за буйволами. Совет присудил мне шесть буйволов.

Мы подошли к Усманду, но Пельмихар в него не вошел, а сел на пригорке. Он терпеливо дождался буйволов и не обра-

щал внимания на свою бывшую жену. Она пронеслась несколько раз мимо Пельмихара, бросая на него исподтишка взгляды. Но это не вывело Пельмихара из равновесия. Он забрал буйволов и погнал их в свой манд.

Имя на рассвете

Язычок пламени в медном светильнике дрожит и мечется из стороны в сторону. Изогнутые прокопченные жерди потолка и углы тонут в темноте. И из этой темноты возникает призрачная фигура женщины. На ней белая туника, завязанная на одном плече. В костлявой руке она держит стакан с аракой¹. Мутная жидкость, налитая до краев, выплескивается от неосторожного движения. Как будто сквозь сон, я слышу ее голос:

— Пей, ты теперь наша сестра. Ты шла вместе с нами и помогла нам. Род Квордони теперь твой род. Все наше теперь твое и все твое — теперь наше.

Я с трудом поднимаю голову. Кажется, я заболела.

— Нет, амма, — говорю я. — Не буду пить.

Женщина настаивает. Рядом со мной опускается Тайсинпуф.

— Пей сама, — обращается она к женщине. — Оставь сестру.

Тайсинпуф тянет с меня шерстяное одеяло.

— Возьми путукхули. Я буду танцевать в твоём одеяле.

Я заворачиваюсь в путукхули. К удивлению, оно оказывается теплым. Тайсинпуф выплывает, завернутая в одеяло, на середину хижины. К ней присоединяются другие женщины. На глиняной суфе сидят мужчины. Их бороды отбрасывают причудливые тени на прокопченные стены. До рассвета еще далеко.

...Это была длинная дорога через джунгли. Друг за другом шли люди, завернутые в древние тоги. Над деревьями поднялась луна. Белые путукхули сверкали в ее сиянии, черные и красные полосы четко выделялись на них. Дул резкий пронзительный ветер. Шли мужчины и женщины, несли на руках детей, миля за милей через ночные голубые джунгли. Они шли, как их предки тысячи лет назад. И те же джунгли стояли вокруг. Казалось, время остановилось в этом заколдо-

ванном лесу. Этой ночью на земле существовало только древнее племя тогда и его странная неповторимая песня. Древняя гортанная песня кочевников. Наконец где-то в зарослях у потока раздались другие голоса, и навстречу вышла Тайсинпуф.

— Аё! Амма! — воскликнула она. — И ты пришла с тогда?

И, взяв меня за руку, повела по тропинке в лощину. Совсем неожиданно среди зарослей возник залитый лунным светом манд.

— Сегодня моему сыну дадут имя, — сообщила Тайсинпуф.

Все жители Квордони вышли встречать гостей. Восьмимесячный виновник торжества посапывал в углу на глиняной суфе. Шумливые гости так и не разбудили его. Женщины в церемонии не участвовали, и поэтому, вдоволь наплясавшись и напившись, они заснули мертвым сном перед самым рассветом. Я старалась не спать, но, видимо, простуда давала себя знать. Мутикен обещал меня разбудить, как только начнется церемония.

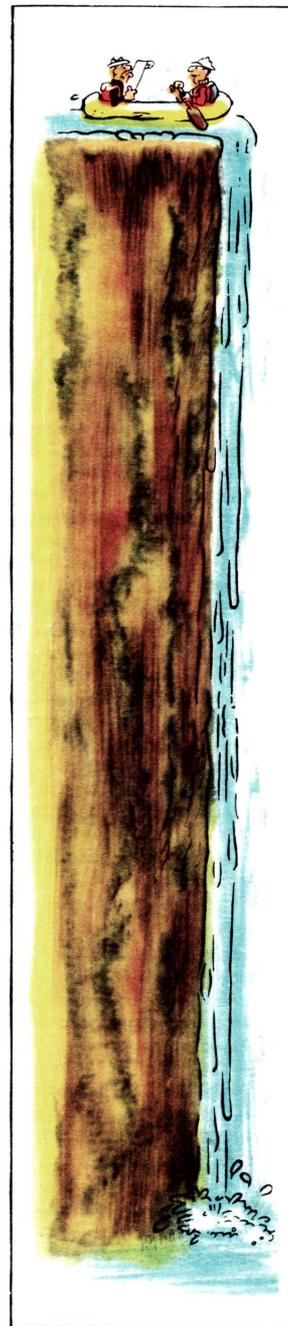
Сквозь тревожный сон я услышала, как кто-то сказал:

— Людмила-амма, вставай, мы идем к храму. Сейчас поднимется солнце.

Я вышла из хижины. Было еще темно, но над горами алела заря. Шумел предрассветный ветер. Мужчины, завернутые в путукхули, как тени, скользили к храму. Вход в храм светился красноватыми отблесками — там горел очаг. За оградой храма четверо тогда добывали огонь. Пока не зажжен священный огонь, нельзя назвать имя ребенка. Становится все светлей, отчетливо видны вершины гор. Наконец огонь появился, и жрец уносит его в храм. Теперь уже различимы контуры храма и стоящих поблизости деревьев. Както совсем неожиданно джунгли наполняются птичьим гомоном. Алая полоска зари уже заполняет собой полнеба. Дед малыша кладет ребенка на пороге храма, затем берет его снова, сдергивает покрывало с лица и поворачивает малыша к востоку. Первый тонкий золотистый луч солнца заплескал по храму и ударил в глаза ребенка. Тот засмеялся и прикрыл глаза рукой.

— Потажь! — воскликнул старик.

— Стань хорошим человеком, — сказал жрец.

— Странно... На карте написано, что именно с этого места речка Верхняя Магнолия почему-то называется Нижней Магнолией.

¹Арака — рисовая водка.

— Стань хорошим человеком, — повторили все.

— Будешь богатым, — продолжал жрец. — Молись в этом храме. Делай добро людям.

— ...Добро людям, — многоголосо отозвалось в горах.

У многих племен, вошедших в контакт с внешним миром, постепенно изменяется и нарушается, я бы сказала, ритуальная сторона их жизни. У тогда, по крайней мере на протяжении последних 150 лет, сохранились все тонкости церемоний почти в неприкосновенности. Перед моей первой поездкой в Нилгири, прочитав объемистый труд «Тода» английского антрополога Риверса, изданный в 1906 году, я позавидовала его автору, которому удалось наблюдать необычные церемонии. Я и не надеялась, что через полвека увижу хоть что-нибудь подобное. Но жизнь иногда идет странными путями. Когда я приехала к тогда, я перестала завидовать английскому ученому. Я сама оказалась свидетелем интересных церемоний, дошедших до наших дней.

Тайна племени тогда

Не надо быть очень наблюдательным, чтобы заметить ту разницу, которая существует между тогда и основным населением Южной Индии — дравидами. Тогда — высокие, хорошо сложенные люди с относительно светлой кожей. Носы у них — прямые, неширокие, похожие на европейские, а большие глаза нередко имеют светло-карий или зеленоватый цвет. Все это резко отличает тогда от низкорослых и темнокожих дравидов. С момента открытия тогда естественно возник вопрос: кто они, откуда? Какое течение человеческой истории занесло это племя на дравидский юг? Но не только физический облик отличает тогда от остального населения. Их обычаи, традиции и, наконец, религия, пожелай, являются уникальными для Индии. Жилище и одежда тогда не находят себе параллелей ни на севере, ни на юге страны. Особый интерес представляет и язык племени. Сейчас он утратил свою первоначальную чистоту. Тогда говорят и понимают по-тамилски, некоторые знают малайлам и каннара. Находясь в точке соприкосновения трех национальных районов и постоянно вступа

в контакт с их населением, племя, естественно, приняло в свой язык многое от соседей. Но древний особый язык тогда существовал и еще частично сохранился.

Миссионер из Базельской миссии преподобный Шмид пытался составить грамматику языка тогда. Он знал хорошо дравидийские языки. И тем не менее миссионер вынужден был признать: «Приблизительно треть слов из диалекта тогда я не могу отнести ни к одному из языков, с которыми знаком».

Капитан колониальной армии Аутчерлони, составивший в 1847 году географическое описание Нилгири, отмечал: «Язык тогда имеет уникальный акцент и странный оригинальный стиль. По-видимому, у него нет аналогии ни с одним из разговорных языков, используемых туземцами Южной Индии».

Внимательно изучавший тогда английский этнограф Риверс писал, что тогда говорят на «тайном языке», непонятном дравидам.

Когда я приехала в Нилгири, я тоже заинтересовалась этим «тайным языком». В обычном разговоре тогда употребляли много тамилских слов, и их можно было без труда понимать. Но однажды я услышала, как из храма доносился какой-то странный речитатив. Необычные слова этого речитатива были мне не знакомы даже по своей конструкции. В них было много шипящих в самых неожиданных сочетаниях.

На следующий день я спросила, на каком языке говорил в храме жрец.

— На древнем языке тогда, — ответил старик Нельдоди.

— А ты знаешь этот язык? — поинтересовалась я.

— Немного.

— Можешь повторить, что говорил жрец?

— Конечно, могу. Я тоже был жрецом.

И я снова услышала странную музыку древнего языка.

— О чем ты говорил, Нельдоди?

— О том, чтобы Текерзши послала благополучие тогда и их буйволам.

— А подробнее? Переведи каждую фразу.

— Я не помню, амма, — печально сказал Нельдоди. — Мы забываем наш язык. Он живет только в наших молитвах и легендах. А многие из нас уже не помнят слов языка тогда.

Современный язык тогда клас-

сифицируют как дравидийский. Это сделал в свое время английский лингвист Колдуэлл, а вслед за ним его американский коллега Эмено. Возможно, для такой классификации есть свои основания — слишком «дравидизировался» в последнее время язык племени. Ну, а древний язык тогда тем не менее еще существует. Его изучение поможет пролить свет на загадку тогда.

У тогда не было и нет письменности. Поэтому ученые оказались лишены такого ценного материала, как эпиграфика. Но в середине XIX века на территории расселения племени были обнаружены древние погребения. Погребения принадлежали к мегалитическому¹ типу. Они не были чем-то необычным для Южной Индии. Мегалитические погребения распространены в Тамилнаде, Майсуре, Андрхе и частично в Керале. Наиболее поздние из них датируются I—V веками нашей эры. Капитан артиллерии Конгрив, человек эрудированный и разносторонне образованный, на досуге решил провести раскопки этих погребений. Вслед за ним копал эти захоронения комиссар Нилгири Брикс. Результаты оказались самыми неожиданными. Прежде всего погребения отличались по форме от погребений в долине. Они были обнесены циклической стеной, сложенной из неотесанных камней, и напоминали колодцы. В погребениях нашли глиняную посуду, украшения, оружие — все это отличалось от содержимого мегалитических погребений долин Южной Индии. Но наиболее удивительной находкой оказались необычной формы урны с обгоревшими человеческими костями, крышки которых были украшены статуэтками из обожженной глины. Статуэтки изображали животных и людей. И тогда встал вопрос: кому принадлежат эти погребения? Казалось бы естественным начать искать связь этих погребений с племенем тогда. К чести обоих любителей-археологов следует сказать, что оба они заявили о том, что погребения принадлежат тогда. Много лет спустя эту же точку зрения высказали индийские ученые Т. Б. Назар и Д. Н. Дас.

Однако в то время вопрос о древних погребениях оказался вопросом политическим. Колони-

¹ Мегалит — так называемая культура «больших камней».

альное правительство, отбирая земли у тода, пыталось доказать, что тода — недавние поселенцы в Нилгири и не имеют права на землю. Открытие погребений, которые насчитывали минимум полторы тысячи лет и, по всей вероятности, принадлежали тода, спутало карты колониальной администрации. И тогда появилась версия, что захоронения не имеют отношения к тода. Ее высказал коллектор дистрикта Нилгири Сьюливан, а след за ним все те, кто вопреки научной истине старался оправдать действия колонизаторов.

Мне захотелось самой разобраться в этой запутанной проблеме. Если погребения принадлежат тода, я получила бы в свое распоряжение богатый археологический материал: он мог бы дать нить к разрешению загадки племени. Я подробно изучила богатую коллекцию находок из погребений в Нилгири, которая существует в Мадраасском государственном музее. Особенно меня заинтересовали глиняные статуэтки. В Нилгири я обследовала ряд самих погребений и, к своему огорчению, убедилась, что часть из них самым хищническим образом повреждена. По всей видимости, европейцы из Утакаманда и местные жители, привлеченные слухами о находках золота в погребениях, рыли их на свой страх и риск.

В разговорах с тода я пыталась найти какие-либо реальные факты, связанные с погребениями, и определить отношение тода к этим реликвиям древности. У противников принадлежности погребений племени тода было два основных аргумента: тода не занимаются ремеслом, изделия которого были найдены в погребениях, и у них нет устной традиции, связанной с погребениями.

Что касается ремесла, то оно могло существовать, а потом в силу ряда причин исчезнуть. Ведь исчезло же за последние сто лет среди народа парава искусство выделки браслетов из раковин священного чанка. Рядом с тода живет племя кота. Среди них мы находим ткачей, кузнецов, ювелиров и т. д. Между двумя племенами до недавнего времени существовал натуральный обмен. Тода надевают пугукхули, сотканые кота, едят из горшков, сделанных кота, употребляют ножи и топоры, выкованные кота, носят украшения, сделанные кота. При чем кота делают все по специ-

альному заказу, соблюдая традиционные вкусы тода. Если тода сами не делали вещи, найденные в погребениях, то почему нельзя предположить существование такого обмена в далеком прошлом?

Ну, а устная традиция? Оказывается, она тоже есть. Тода считают, что древние погребения принадлежат им. Старый Апарш как-то сказал мне, показывая на «колодец»:

— Это строила богиня Текерши для тода.

Обилие статуэток буйволов, найденных в погребениях, свидетельствует о культе буйволов среди строителей погребений.

Т. Б. Наяр отдал на экспертизу в Британский музей нож типа секача, найденный в погребении. На нем были обнаружены следы буйволиного жира. Индийский ученый справедливо предполагает, что нож использовался в погребальной церемонии для заклания жертвенных буйволов.

Статуэтки мужчин, как правило, изображают бородатых людей, напоминающих современных тода.

Священные колокола, хранящиеся в храмах племени, похожи на те, что найдены в погребениях.

И, наконец, оружие. Сьюливан утверждал, что тода никогда не использовали оружия, что его у них и не было. Оружие, найденное в погребениях, казалось бы, свидетельствовало против тода, но в некоторых храмах тода до сих пор хранятся древние мечи и копья.

Это только основные доказательства. Но их достаточно, чтобы считать, что древние погребения принадлежали предкам тода.

Загадка племени породила очень много предположений, гипотез, домыслов, порой самых фантастических. Тем более что сами тода теперь уже ничего не могут сказать о своем происхождении. Есть сторонники дравидийского происхождения тода. Однако дравиды — это народы земледельческой культуры, а тода — ярко выраженные скотоводы. Существует ряд резких отличий в религии и обычаях. Индийский ученый Сундарам утверждает, что во время погребальной церемонии жрец читает книгу на языке пали. И следовательно, тода — арии. Но никаких книг у тода нет. А функции жреца на погребальной церемонии строго ограничены: это забивание жертвенных буйволов. Есть гипотеза, что тода пришли в Индию из древней

Палестины, другие считают, что они потомки шумерийских и римских торговцев, третьи, что это скандинавы и кельты, четвертые, что у тода — связи с Кавказом. Но, к сожалению, все эти теории и гипотезы не имеют солидных доказательств. Тайну племени поможет разгадать тщательное изучение трех источников: быта и обычаев тода, их древнего языка и археологического материала — вероятно, особую ценность для археологов представляют раскопки мегалитических захоронений в долине Аманандр, где находится, по верованиям тода, «страна мертвых».

Работая в Мадраасском музее, я заметила, что оружие, а именно мечи, найденные в погребениях тода, напоминают мечи из скифских курганов. Глиняные статуэтки скифов похожи на статуэтки тода. Головные уборы на фигурках мужчин сходны со скифскими башлыками. В погребениях тода найдены статуэтки лошадей со всадниками. Но самой интересной, с моей точки зрения, находкой являются фигурки вооруженных всадниц с мечами и щитами в руках. Когда я их увидела, то вспомнила о сарматских погребениях, где похоронены вооруженные женщины. Фигурки буйволов найдены и в наших скифских курганах. Хижины тода напоминают кибитки кочевников-скифов. Есть сходство и в некоторых элементах религии скифов и тода. Известно, что осетины — прямые потомки скифов-аланов. В их языке есть некоторые слова, близкие по звучанию к словам языка тода. Но все это пока только предположения и наметки, требующие тщательной проверки и кропотливой работы. Не исключена возможность, что и эти предположения пополняют собой ряд недоказанных гипотез.

А так ли уж важно биться над загадкой племени тода: всего 840 человек, особого места в современном мире они не занимают и т. д.? Дело в том, что с тода связан ряд других серьезных проблем. Это прежде всего проблема заселения Индии. В этой проблеме тоже много теорий и гипотез и мало доказательств. Может быть, происхождение маленького, но удивительно самобытного племени окажется одной из ниточек, которые поведут к решению еще одной загадки истории — загадки происхождения дравидийских народов.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1966

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ — Тройной прыжок	1
На меридианах Родины	11
В. ЗОРИН, Н. НИКОЛАЕВ — Мангышлак — трудная земля	12
Планер садится на провода	17
Л. В. ШАПОШНИКОВА — Иду к тода	18
Из дальних странствий возвратясь...	26
В. МИНКЕВИЧ — В Таврийской саванне	30
БЕРНАРД МАЛАМУД — Лавка	34
В. ПАРХИТЬКО — Росток — балтийский порт	38
АЛЕКСАНДР ГОРБОВСКИЙ — В погоне за призраком	40
ПЬЕР ПФЕФЕР — Комодо без драконов	44
А. АЛЕЙНИКОВ — На холмах Эллады	49
М. ВОЛКОВ — Аютя	52
ЯСУКУНИ ТАКАХАСИ — Катастрофа в бухте Наруто	57
МОРИС КЕЙН — Удивительный народец — эти лягушки!	60, 72
Неистовство белого облака	64
Ю. ТОМИЛИН — Там нет нейтральной полосы	66
В. ПРИТУЛА — Каравеллы «пятого океана»	69
Б. КАРСКИЙ — Янтарный пепел Винеты	71
Испытание на финише	73
Пестрый мир	74
Г. КОРНИЛОВА — Книга зовет в дорогу	76
Ф. СВЕТОВ — Найденная улыбка	76
В. ЧИЧКОВ — Край света, который рядом	77
Н. ПЕТРОВА — 500 часов тишины	77
А. ПИН — «Славянская тетрадь»	78
И. МАТВЕЕВА. 300 путешественников и исследователей	78
Миллионы хвостатых «самоубийц»	78
М. ГОРЕЛИК — Загадка летящего оленя	79
Паруса на песке	80

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ** (заместитель главного редактора), **К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, А. А. ШАЛАЕВ.**

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцевская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А15123. Подп. к печ. 9/IX 1966 г. Бум. 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5(8,4). Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1625. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Суцевская, 21.

На первой странице обложки: **ГАЙТИ.**

Расплавленным диском висит над головой тропическое солнце. Полу-денный зной остановил на полях работы. И люди и скот жадно припадают к воде: ведь ее не так много, и обмелевшая река с трудом дотягивает до океана.

ПАРУСА НА ПЕСКЕ

Яхты, изящно покачивая мачтами, скользят вдоль кромки прибоя. По песку, да, именно по песку, а не по воде, ибо это не обычные яхты, а песчаные буера, или, как их еще называют, сухопутные яхты — легкая лодка или треугольная платформа на колесах. Переднее колесо соединено с рулем, за которым сидит спортсмен. Система управления парусами такая же, как у классической яхты. Но скорость в несколько раз больше: при хорошем ветре песчаный буер идет со скоростью до ста километров в час. А зафиксированный рекорд — 120 километров в час!

Этот вид спорта зародился в Америке в сороковых годах нашего века и быстро перекочевал в Европу. Теперь песчаные буера нередко мчатся там, где есть длинные отлогие пляжи.

С нетерпением ждут непогоды спортсмены, облаченные в специальные куртки и шлемы, — сухопутные яхты легко переворачиваются, так что травму получить нетрудно. И когда на море разыгрывается шторм, наступает «золотое время» для буеристов. С бешеной скоростью совершенно бесшумно мчат они по обезлюдившему побережью. Но чтобы случайно не задавить кого-нибудь — ведь тормозов на буерах нет, — спортсмены не выпускают изо рта свистков.

